

ВЛАДИМИР

НАБОКОВ

Трагедия господина Морна

Пьесы

Лекции о драме

Смерть

Владимир Набоков

Аннотация
В. Набоков. СМЕРТЬ
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
Примечания

Аннотация

Пьеса написана в марте 1923 г. в Берлине. На выбор темы и сюжета пьесы повлияли два события в жизни Набокова: трагическая смерть отца, В. Д. Набокова, убитого 28 марта 1922 г., и расторжение помолвки со Светланой Зиверт в январе 1923 г. Тема «инерции» жизни после смерти была развита затем Набоковым в рассказе «Катастрофа» (1924) и повести «Соглядатай» (1930).

В. Набоков
СМЕРТЬ

Драма в двух действиях

Действие происходит в университетском городе Кембридж, весною 1806 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната. В кресле, у огня, — Гонвил, магистр наук.

ГОНВИЛ:

...и эту власть над разумом чужим
сравню с моей наукою: отрадно
заране знать, какую смесь получишь,
когда в стекле над пламенем Лазурным
медлительно сливаются две соли,
туманную окрашивая колбу.
Отрадно знать, что сложная медуза,
в шар костяной включенная, рождает
сны гения, бессмертные молитвы,
вселенную...
Я вижу мозг его,
как будто сам черниламИ цветными
нарисовал, — и все же есть одна
извилина... Давно я бьюсь над нею —

не выследить… И только вот теперь,
теперь, когда узнает он внезапно —
а! в дверь стучат… Тяжелое кольцо
бьет в медный гриб наружный: стук знакомый,
стук беспокойный…

(*Открывает.*)

Вбегает Эдмонд, молодой студент.

ЭДМОНД:

Гонвил! Это правда?..

ГОНВИЛ:

Да… Умерла…

ЭДМОНД:

Но как же… Гонвил!..

ГОНВИЛ:

Да…
Не ожидали… Двадцать лет сжималось

и разжималось сердце, кровь живую
накачивая в жилы и обратно
вбирая… Вдруг — остановилось…

ЭДМОНД:

Страшно
ты говоришь об этом… Друг мой… Помнишь?
Она была так молода!..

ГОНВИЛ:

Читала
вот эту книжку: выронила…

ЭДМОНД:

Жизнь —
безумный всадник. Смерть — обрыв нежданный,
немыслимый. Когда сказали мне —
так, сразу — я не мог поверить. Где же
она лежит? Позволь мне…

ГОНВИЛ:

Унесли…

ЭДМОНД:

Как странно… Ты не понимаешь, Гонвил:
она всегда ходила в темном… Стелла —
мерцающее имя{1} *в темном вихре.*
И унесли… Ведь это странно, правда?..

ГОНВИЛ:

Садись, Эдмонд. Мне сладко, что чужая

{1} Комментарии: 1.1

Стелла — / мерцающее имя… — Значение имени Стелла (от лат. Stella — звезда) многократно обыгрывается в стихах Дж. Свифта, обращенных к Эстер Джонсон, которую он называл Стеллой, ср.: «Когда же за деканом вслед / Покинет Стелла белый свет…» («День рождения Бекки»), «…И Стелла в восемьдесят лет / Тебя затмит, чаруя свет» («День рождения Стеллы») (пер. В. Микушевича). В «Лолите» упоминается «очаровательная Стелла, которая дает себя трогать чужим мужчинам» (Н97.[1] С. 69), ее имя в конце романа, как заметил К. Проффер, сквозит в эпитете «астральный» (см.: К.Проффер. Ключи к «Лолите». СПб.: Симпозиум, 2000. С. 23–24). «Мерцающее» имя носит Зина Мерц, возлюбленная героя в романе «Дар» (1938), ср.: «…Ты полу-Мнемозина, полу-мерцанье в имени твоем» (Н4.[2] С. 337–338). Набоков обыгрывал также имя своей невесты Светланы Зиверт (повлиявшей на образ Стеллы) в обращенных к ней стихах 1921–1922 гг. (напр., «Ее душа, как

свет необычайный…» из сб. «Гроздь», 1923).

[1] Сноски: 2.1

В. Набоков. Американский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 2.

[2] Сноски: 2.2

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 4.

печаль в тебе находит струны... Впрочем,
с моей женой ты, кажется, был дружен?

ЭДМОНД:

Как ты спокоен, Гонвил, как спокоен!
Как утешать тебя? Ты словно — мрамор:
торжественное белое страданье...

ГОНВИЛ:

Ты прав, не утешай. Поговорим
о чем-нибудь простом, земном. Неделю
ведь мы с тобой не виделись. Что делал?
О чем раздумывал?

ЭДМОНД:

О смерти.

ГОНВИЛ:

Полно!

Ведь мы о ней беседовали часто.
Нет — будем жить. В темницу заключенный
за полчаса до казни паука
рассматривает беззаботно. Образ
ученого пред миром[{2}].

ЭДМОНД:

Говорил ты,
что наша смерть…

ГОНВИЛ:

…быть может, удивленье,
быть может — ничего. Склоняюсь, впрочем,
к последнему; но есть одно: крепка
земная мысль — прервать ее стремленье

{2} Комментарии: 1.2
…за полчаса до казни — паука / рассматривает беззаботно. Образ / ученого пред миром. — Ср. как в «Даре» Федор Годунов-Чердынцев представляет расстрел своего отца, ученого-энтомолога: «И если белесая ночница маячила в темноте лопухов, он и в эту минуту, я знаю, проследил за ней тем же поощрительным взглядом, каким, бывало, после вечернего чая, куря трубку в лешинском саду, приветствовал розовых посетительниц сирени» (114. С. 319–320).

не так легко...

ЭДМОНД:

Вот видишь ли — я мучусь...
Мне кажется порой: душа в плену —
рыдающая буря в лабиринте
гудящих жил, костей и перепонок.
Я жить боюсь. Боюсь я ощущать
под пальцами толчки тугие сердца,
здесь — за ребром — и здесь, на кисти, — отзвук.
И видеть, мыслить я боюсь — опоры
нет у меня, зацепки нет. Когда-то
я тихо верил в облачного старца,
сидящего средь призраков благих.
Потом в опустошительные книги
качнулся я. Есть книги как пожары...
Сгорело все. Я был один. Тянуло
пустынной гарью сумрачных сомнений —
и вот, в дыму, ты, Гонвил, появился —
большеголовый, тяжкий, напряжен-

ный,

в пронзительно сверкающих очках,

с распоротою жабой на ладони…

Ты щипчиками вытащил за узел

мои слепые слипшиеся мысли,

распутал их, и страшной простотой

мои сомненья заменил… Наука

сказала мне: «Вот — мир», — и я увидел

ком земляной в пространстве непостижном

червивый ком, вращеньем округленный,

тут плесенью, там инеем покрытый{3}*…*

{3} Комментарии: 1.3

…«Вот — мир» <…> ком земляной в пространстве непостижном / <…> тут плесенью, там инеем покрытый… — Весь пассаж не что иное, как поэтическое переложение начальных фраз второго тома «Мира как воли и представления» А. Шопенгауэра в переводе Ю. И. Айхенвальда (в полном собр. соч. А. Шопенгауэра, вышедшем в Москве в 1901 г.), с которым Набоков близко сошелся в 20-е годы в Берлине. Ср.: «В беспредельном пространстве бесчисленные светящиеся шары; вокруг каждого из них вращается около дюжины меньших, освещенных; горячие изнутри, они покрыты застывшей, холодной корой, на которой налет плесени породил живых и познающих существ, — вот эмпирическая истина, реальное, мир» (А. Шопенгауэр. Собр. соч.: В 6 т. М.: Терра, 2001. Т. 2. С. 4). По сути, в пьесе, как затем в «Соглядатае», на сам сюжет спроецирована шопенгауэровская идея мира как представления, «мнимого мира», как его назовет ниже Гонвил (и позднее Цинциннат в «Приглашении на казнь», IV), созидаемого

разумом, ср. у Шопенгауэра: «…мир <…> надо признать родственным сновидению и даже принадлежащим к одному с ним классу вещей. Ибо та функция мозга, которая во время сна какими-то чарами порождает совершенно объективный, наглядный, даже осязаемый мир, должна принимать такое же точно участие и в созидании объективного мира бодрствования» (Там же. С. 5).

И стала жизнь от этой простоты
еще сложней. По ледяной громаде
я заскользил. Догадки мировые —
все, древние и новые, — о цели,
о смысле сущего — все, все исчезли
пред выводом твоим неуязвимым:
ни цели нет, ни смысла; а меж тем
я втайне знал, что есть они!.. Полгода
так мучусь я. Бывают, правда, утра
прозрачные, восторженно-земные,
когда душа моя — подкидыш хилый —
от солнца розовеет и смеется
и матери неведомой прощает…
Но, с темнотой, чудовищный недуг
меня опять охватывает, душит:
средь ужаса и гула звездной ночи
теряюсь я; и страшно мне не только
мое непониманье — страшен голос,
мне шепчущий, что вот еще усилье
и все пойму я… Гонвил, ты любил
свою жену?..

ГОНВИЛ:

Незвучною любовью,
мой друг, незвучной, но глубокой... Что же
меня ты спрашиваешь?

ЭДМОНД:

Так. Не знаю...
Прости меня... Не надо ведь о мертвых
упоминать... О чем мы говорили?
Да, — о моем недуге: я боюсь
существовать... Недуг необычайный,
мучительный, и признаки его:
озноб, тоска и головокруженье.
Приводит он к безумию. Лекарство,
однако, есть. Совсем простое. Гонвил,
решил я умереть.

ГОНВИЛ:

Похвально. Как же
ты умереть желаешь?

ЭДМОНД:

Дай мне яду.

ГОНВИЛ:

Ты шутишь?

ЭДМОНД:

Там, вон там, в стене, на полке,
за черной занавеской — знаю, знаю,—
стоят, блестят наполненные склянки,
как разноцветные оконца — в вечность...

ГОНВИЛ:

...Иль в пустоту. Но стой, Эдмонд, послушай, —
кого-нибудь ведь любишь ты на свете?
Иль, может быть, любовью ты обманут?

ЭДМОНД:

Ах, Гонвил, знаешь сам!.. Друзья мои
дивятся все и надо мной смеются,
как, может быть, цветущие каштаны
над траурным смеются кипарисом.

ГОНВИЛ:

Но в будущем... Как знать? На перекрестке...
нечаянно... Есть у тебя приятель,
поэт: пусть скажет он тебе, как сладко
над женщиной задумчивой склоняться,
мечтать, лежать с ней рядом — где-нибудь
в Венеции, когда в ночное небо
скользит канал серебряною рябью
и, осторожно, черный гриф гондолы
проходит по лицу луны...

ЭДМОНД:

Да, правда,
в Италии бывал ты, и оттуда
привез…

ГОНВИЛ:

…жену…

ЭДМОНД:

Нет, сказочные смерти,
играющие в полых самоцветах…
Я, Гонвил, жду… Но что же ты так смотришь,
гигантский лоб наморщив? Гонвил, жду я,
ответь же мне! Скорее!

ГОНВИЛ:

Вот беспечный!
Ведь до того, как друга отравлять,
мне нужно взвесить кое-что, — не

правда ль?

ЭДМОНД:

Но мы ведь выше дружбы — и одно
с тобою чтим: стремленье голой мысли...
А! Просветлел... Ну что же?

ГОНВИЛ:

Хорошо,
согласен я, согласен... Но поставлю
условие: ты должен будешь выпить
вот здесь, при мне. Хочу я росчерк смерти
заметить на твоем лице. Сам знаешь,
каков твой друг: он, как пытливый Плиний,
смотреть бы мог в разорванную язву

Везувия{4}*, пока бы, вытекая,*
гной огненный шипел и наступал…

ЭДМОНД:

Изволь… Но только…

ГОНВИЛ:

Или ты боишься,
что свяжут смерть твою со смертью… Стеллы?

ЭДМОНД:

Нет, о тебе я думал. Вот что! Дай мне чернил, бумаги. Проще будет.

(*Пишет.*)

Слышишь,

{4} Комментарии: 1.4

…Плиний, / смотреть бы мог в разорванную язву / Везувия… — Плиний Старший (23 или 24–79), римский писатель и ученый. Его обширный труд «Естествознание» явился сводом знаний античности о природе, человеке и искусстве. Погиб при извержении Везувия. Отправившись на корабле к Везувию наблюдать за извержением, Плиний Старший, по словам Плиния Младшего в знаменитом письме Тациту, «свободный от страха <…> диктует и зарисовывает все замеченные глазом движения этого бедствия, все очертания» (Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. С. 26–27).

перо скрипит, как будто по листу
гуляет смерть костлявая…

ГОНВИЛ:

Однако!
Ты весел…

ЭДМОНД:

Да… Ведь я свою свободу
подписываю… Вот… Я кончил. Гонвил,
прочти.

ГОНВИЛ:

(*читает про себя*)

«Я умираю — яд — сам взял —
сам выпил»… Так.

ЭДМОНД:

Теперь давай; готов я…

ГОНВИЛ:

Не вправе я удерживать тебя.

Вот — пузырек. Он налит зноем сизым,
как утро флорентийское… Тут старый
и верный яд. В четырнадцатом веке
его совали герцогам горячим
и пухлым старцам в бархате лиловом.
Ложись сюда. Так. Вытянись. Он сладок
и действует мгновенно, как любовь.

ЭДМОНД:

Спасибо, друг мой… Жил я тихо, просто
а вот не вынес страха бытия…
Спасаюсь я в неведомую область.{5}
Давай же мне; скорей…

ГОНВИЛ:

Эдмонд, послушай, —

{5} Комментарии: 1.5

…страха бытия… / Спасаюсь я в неведомую область. — Переосмысление классического источника — излюбленный прием Набокова-драматурга, ср. монолог Гамлета (акт III, сц. 1): «…но страх, внушенный чем-то / за смертью — неоткрытою страной…» (пер. Набокова, цит. по: НЗ.[3] С. 677).

[3] Сноски: 2.3

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 3.

быть может, есть какая-нибудь тайна,
которую желал бы ты до смерти…

ЭДМОНД:

Я тороплюсь… Не мучь меня…

ГОНВИЛ:

Так пей же!{6}

ЭДМОНД:

Прощай. Потом плащом меня накроешь.

{6} Комментарии: 1.6

Так пей же! — Переиначенная реплика пушкинского Сальери, после того как он бросил яд в стакан Моцарта («Моцарт и Сальери», сц. 2), ср.: «Ну, пей же» (А. С. Пушкин. Поли. собр. соч.: В 10 т. 1978. Т. 5. С. 314).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Прошло всего несколько мгновений.

ЭДМОНД:

Смерть… Это — смерть. Вот это — смерть…

(*Медленно привстает.*)

В тумане
дрожит пятно румяное… Иначе
быть не могло… О чем же я при жизни
тревожился? Пятно теперь яснее.
Ах! Это ведь пылающий провал
камина… Да, — и отблески летают.
А там в углу — в громадном смутном кресле,—
кто там сидит, чуть тронутый мерцаньем?
Тяжелый очерк выпуклого лба;
торчащая щетина брови; узел

змеиных жил на каменном виске…
Да полно! Узнаю! Ведь это…

ЧЕЛОВЕК В КРЕСЛЕ:

…Эхо
твоих предсмертных мыслей…

ЭДМОНД:

Гонвил, Гонвил,—
но как же так? Как можешь ты быть здесь —
со мною, в смерти? Как же так?..

ГОНВИЛ:

Мой образ
продлен твоею памятью за грань
земного. Вот и все.

ЭДМОНД:

…Но как же, Гонвил:
вот комната… Все знаю в ней… Вон — череп

на фолианте; вон — змея в спирту,
вон — скарабеи в ящике стеклянном,
вон — брызги звезд в окне, — а за окном,—
чу! слышишь, — бьют над городом зубчатым
далекие и близкие куранты;
скликаются, — и падает на дно
зеркальное червонец за червонцем...
Знакомый звон... И сам я прежний, прежний, —
порою только странные туманы
проходят пред глазами... Но я вижу
свои худые руки, плащ и сборки
на нем — и даже, вот, — дыру: в калитку
я проходил — плащом задел цветок
чугунный на стебле решетки... Странно,
все то же, то же...

ГОНВИЛ:

Мнимое стремленье,

Эдмонд... Колеблющийся отзвук...

ЭДМОНД:

Так!
Я начинаю понимать... Постой же,
постой, я сам...

ГОНВИЛ:

...Жизнь — это всадник. Мчится.
Привык он к быстроте свистящей. Вдруг
дорога обрывается. Он с края
проскакивает в пустоту. Ты слушай,
внимательно ты слушай! Он — в пространстве,
над пропастью, но нет еще паденья,
нет пропасти! Еще стремленье длится,
несет его, обманывает; ноги
еще в тугие давят стремена,
глаза перед собою видят небо
знакомое. Хоть он один в пространстве,

хоть срезан путь... Вот этот миг — пойми,
вот этот миг. Он следует за гранью
конечного земного бытия:
скакала жизнь, в лицо хлестала грива,
дул ветер в душу, — но дорога в бездну
оборвалась, — и чем богаче жизнь,
чем конь сильней...

ЭДМОНД:

...тем явственней, тем дольше
свист в пустоте, свист и размах стремленья,
не прерванного роковым обрывом,—
да понял я... Но — пропасть, как же пропасть?

ГОНВИЛ:

Паденье неизбежно. Ты внезапно
почувствуешь под сердцем пустоту
сосущую и, завертевшись, рухнет
твой мнимый мир. Успей же насладиться

тем, что унес с собою за черту.

Все, что знавал, что помнишь из земного,—

вокруг тебя и движется земными

законами, знакомыми тебе.

Ведь ты слыхал, что раненый, очнувшись,

оторванную руку ощущает

и пальцами незримыми шевелит?

Так мысль твоя еще живет, стремится,

хоть ты и мертв: лежишь, плащом покрытый;

сюда вошли; толпятся и вздыхают;

и мертвецу подвязывают челюсть...

А, может быть, и больший срок прошел:

ведь ты теперь вне времени... Быть может,

на кладбище твой Гонвил смотрит молча

на плоский камень с именем твоим.

Ты там под ним, в земле живой и соч-

ной;
уста гниют и лопаются мышцы,
и в трещинах, в глубокой черной слизи
шуршат, кишат белесые личинки...
Не все ль равно? Твое воображенье,
поддержанное памятью, привычкой,
еще творит. Цени же этот миг,
благодари стремительность разбега...

ЭДМОНД:

Да, мне легко... Покойно мне. Теперь
хоть что-нибудь я знаю точно — знаю,
что нет меня. Скажи, мое виденье,
а если я из комнаты твоей —
стой! сам скажу: куранты мне напели:
все будет то же, встречу я людей,
запомнившихся мне. Увижу те же
кирпичные домишки, переулки,
на площади — субботние лотки
и циферблат на ратуше. Узнаю
лепные, величавые ворота;
в просвете — двор широкий, разделен-

ный
квадратами газона; посередке
фонтан, журчащий в каменной оправе,
и на стенах пергаментных кругом
узорный плющ; а дальше — снова арка,
и в небе стрелы серого собора{7},
и крокусы вдоль ильмовых аллей,
и выпуклые мостики над узкой
зеленою речонкой, — все узнаю, —
а на местах, мной виденных не часто
иль вовсе не замеченных, — туманы,
пробелы будут, как на старых картах,
где там и сям стоит пометка: Terra
incognita. Скажи мне, а умерших
могу я видеть?

ГОНВИЛ:

Нет. Ты только можешь

{7} Комментарии: 1.7

…стрелы серого собора… — Под собором подразумевается самое монументальное строение Кембриджа — позднеготическая капелла Кингсколледжа (XV — нач. XVI в.), увенчанная четырьмя высокими шпилями. Ср. описание Кембриджа в стихотворении Байрона «Гранта» (1806): «Прогулка кончилась моя. <…> / Прощайте, шпили старой Гранты!» (пер. В. Васильева).

соображать, сопоставлять явленья
обычные, понятные, земные, —
ведь призраков ты не встречал при жизни.
Скажи, кого ты вызвать бы хотел?

ЭДМОНД:

Не знаю…

ГОНВИЛ:

Нет, подумай…

ЭДМОНД:

Гонвил, Гонвил,
я что-то вспоминаю… что-то было
мучительное, смутное… Постой же,
начну я осторожно, потихоньку,—
я дома был, — друзья ко мне явились,
к дубовому струился к потолку
из трубки дым, вращающийся плавно.
Все мелочи мне помнятся: вино
испанское тепло и мутно рдело.

Постой... Один описывал со вкусом,
как давеча он ловко ударял
ладонью мяч об каменные стенки;
другой втыкал сухие замечанья
о книгах, им прочитанных, о цифрах
заученных, но желчно замолчал,
когда вошел мой третий гость — красавец
хромой, — ведя ручного медвежонка
московского, — и цепью зверь ни разу
не громыхнул, пока его хозяин,
на стол поставив локти и к прозрачным
вискам прижав манжеты кружевные,

выплакивал стихи о кипарисах{8}.
Постой… Что было после? Да, вбежал
еще один — толстяк в веснушках рыжих —
и сообщил мне на ухо с ужимкой
таинственной… Да, вспомнил все! Я несся,
как тень, как сон, по переулкам лунным
сюда, к тебе… Исчезла… как же так?..
…она всегда ходила в темном. Стелла…
мерцающее имя в темном вихре,
души моей бессонница…

{8} Комментарии: 1.8

…красавец / хромой, — ведя ручного медвежонка / московского <…> выплакивал стихи о кипарисах. — В 1806 г., к которому приурочено действие пьесы, в том же кембриджском Тринити-Колледже, что кончил Набоков, учился Байрон. Однако ручного медведя Байрон завел не в 1806 г., а позднее, в 1808 г., протестуя против запрета держать на территории университета собак. На вопрос кого-то из начальства колледжа, что он собирается делать с медведем, Байрон ответил: «Подготовить его в кандидаты на кафедру» (А.Моруа. Дон Жуан, или Жизнь Байрона. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 92). Медвежонок Байрона упоминается в эссе Набокова «Кембридж» (1921) и позднее, в 1927 г., в «Университетской поэме»: «Держа московского медведя, / боксеров жалуя и бредя / красой Италии, — тут жил / студентом Байрон хромоногий» (Н2.[4] С. 563–564). Московское происхождение медведя — домысел Набокова. Упоминание стихов о кипарисах также является набоковским анахронизмом: подразумеваемое стихотворение Байрона «К музе вымысла» написано

в 1807 г., ср.: «Сочувствие, в одежде черной / И кипарисом убрано, / С тобой пусть плачет непритворно, / За всех кровь сердца льет оно! / Зови поплакать над утратой / Дриад: их пастушок ушел / <…> / Оплачете ль меня печально, / Покинувшего милый круг?» (пер. В. Брюсова). Ср. мотивы этого стихотворения Байрона с романтическим конфликтом Эдмонда: «Но знаю: ты лишь имя! Надо / Сойти из облачных дворцов, / Не верить в друга, как в Пилада, / Не видеть в женщинах богов! / Признать, что чужд мне луч небесный, / Где эльфы водят легкий круг, / Что девы лживы, как прелестны, / Что занят лишь собой наш друг. <…> Глупец! Любил я взор блестящий / И думал: правда скрыта там!»

[4] Сноски: 2.4

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 2.

ГОНВИЛ:

...Друг друга
любили вы?..

ЭДМОНД:

Не знаю, было ль это
любовью или бурей шумных крыльев...
Я звездное безумие свое,
как страшного пронзительного бога
от иноверцев, от тебя — скрывал.
Когда порой в тиши амфитеатра
ты взмахивал крылатым рукавом,
чертя скелет на грифеле скрипучем,
и я глядел на голову твою
тяжелую, огромную, как ноша
Атланта, — странно было думать мне,
что ты мою бушующую тайну
не можешь знать... Я умер — и с собою
унес ее. Ты так и не узнал...

ГОНВИЛ:

Как началось?..

ЭДМОНД:

Не знаю. Каждый вечер
я приходил к тебе. Курил, и слушал
и ждал, томясь, — и Стелла проплывала
по комнате и снова возвращалась
к себе наверх по лестнице витой,
а изредка садилась в угол с книгой,
и призрачная пристальность была
в ее молчанье. Ты же, у камина
проникновенно пальцами хрустя,
доказывал мне что-нибудь — Systema

Naturae сухо осуждал[{9}]*... Я слушал.*
Она в углу читала, и когда
страницу поворачивала, в сердце
моем взлетала молния... А после,
придя домой, — пред зеркалом туманным
я длительно глядел себе в глаза,
отыскивал запечатленный образ...
Затем свечу, шатаясь, задувал,
и до утра мерещилось мне в бурях
серебряных и черных сновидений
ее лицо склоненное, и веки
тяжелые, и волосы ее,
глубокие и гладкие, как тени
в ночь лунную; пробор их разделял,

{9} Комментарии: 1.9

...Systema / Naturae сухо осуждал... — Как указала М. Маликова (Н1.[5] С. 806), здесь имеется в виду труд Карла Линнея (1707–1778) «Система природы» («Systema Naturae Fundamenta Botanica», 1735), положивший начало современной систематике. В его десятом издании (1758) была установлена иерархия таких таксономических категорий, как тип, класс, отряд, род и вид. Линней указал естественную единицу — вид — как отправную точку классификации. Слабым пунктом его теории оказался принцип постоянства вида. После смерти Линнея его коллекции, в том числе бабочек, попали в Лондон, где их видел Набоков.

[5] Сноски: 2.5

В. Набоков. Русский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 1.

как бледный луч, и брови вверх стремились
к двум облачкам, скрывающим виски…
Ты, Гонвил, управлял моею мыслью;
отчетливо и холодно. Она же
мне душу захлестнула длинным светом
и ужасом немыслимым… Скажи мне,
смотрел ли ты порою, долго, долго,
на небеса полночные? Не правда ль,
нет ничего страшнее звезд?

ГОНВИЛ:

Возможно.
Но продолжай. О чем вы говорили?

ЭДМОНД:

…Мы говорили мало… Я боялся
с ней говорить. Был у нее певучий
и странный голос. Английские звуки
в ее устах ослабевали зыбко.
Слова слепые плыли между нами,

как корабли в тумане... И тревога
во мне росла. Душа моя томилась:
там бездны раскрывались, как глаза...
Невыносимо сладостно и страшно
мне было с ней, и Стелла это знала.
Как объясню мой ужас и виденья?
Я слышал гул бесчисленных миров
в ее случайных шелестах. Я чуял
в ее словах дыханье смутных тайн
и крики и заломленные руки
неведомых богов! Да, — шумно, шумно
здесь было, Гонвил, в комнате твоей,
хоть ты и слышал, как скребется мышь
за шкафом и как маятник блестящий
мгновенья косит... Знаешь ли, когда
я выходил отсюда, ощущал я
внезапное пустынное молчанье,
как после оглушительного вихря!..

ГОНВИЛ:

Поторопи свое воспоминанье,

Эдмонд. Кто знает, может быть, сейчас
стремленье жизни мнимое прервется, —
исчезнешь ты, и я — твой сон — с тобою.
Поторопись. Случайное откинь,
сладчайшее припомни. Как признался?
Чем кончилось признанье?

ЭДМОНД:

Это было
здесь, у окна. Мне помнится, ты вышел
из комнаты. Я раму расшатал,
и стекла в ночь со вздохом повернули.
Все небо было звездами омыто,
и в каменном туманном переулке,
рыдая, поднималась тишина.
И в медленном томленье я почуял,
что кто-то встал за мною. Наполнялась
душа волнами шума, голосами
растущими. Я обернулся. Близко

стояла Стелла. Дико и воздушно
ее глаза в мои глядели — нет,
не ведаю, — глаза ли это были
иль вечность обнаженная... Окно
за нами стукнуло, как бы от ветра...
Казалось мне, что, стоя друг пред другом,
громадные расправили мы крылья,
и вот концы серпчатых крыльев наших,
—
пылающие длинные концы —
сошлись на миг... Ты понимаешь — сразу
отхлынул мир; мы поднялись; дышали

в невероятном небе{10}, — но внезапно
она одним движеньем темных век
пресекла наш полет — прошла. Открылась
дверь дальняя, мгновенным светом брызнув,
закрылась… И стоял я весь в дрожанье
разорванного неба, весь звенящий,
звенящий…

ГОНВИЛ:

Так ли? Это все, что было,
один лишь взгляд?

{10} Комментарии: 1.10
…ее глаза в мои глядели <…> мы поднялись; дышали / в невероятном небе… — Детали в описании этого вознесения напоминают начало третьей кантики «Божественной Комедии», когда Данте, неотрывно глядя в глаза Беатриче, устремленные к солнцу, возносится вместе с нею в небесные сферы («Рай», I, 64–91; II, 22–25). История любви Данте Алигьери к флорентийке Беатриче Портинари (ср. флорентийские мотивы в пьесе), о которой известно, что она вышла замуж за Симоне де'Барди и умерла двадцати пяти лет от роду, возможно, оказала влияние на сюжет пьесы. Догадку эту подкрепляет тот факт, что Беатриче, вообще крайне редко возникающая в русских произведениях Набокова, упоминается в рассказе «Боги», написанном в том же 1923 г., когда Набоков написал «Смерть». Рассказ был опубликован по-английски в переводе Д. Набокова; вот это место в нашем обратном переводе с английского: «Я уверен, они говорят терцинами. А ваша соседка, та девушка в светло-желтом пальто, сидящая с опущенными ресницами, — может быть это Дантова Беатриче?» (The Stories of Vladimir Nabokov. Vintage, 1997. P.

47). В «Комедии» Беатриче претворяется в символ откровения, а тема загробного опыта Данте находит свое разрешение в потусторонней встрече с возлюбленной; все три кантики «Комедии» заканчиваются словом «stelle» — звезды.

ЭДМОНД:

Когда бы он продлился,
душа бы задохнулась. Да, мой друг,—
один лишь взгляд. С тех пор мы не видались.
Ты помнишь ведь — я выбежал из дома,
ты из окна мне что-то крикнул вслед.
До полночи по городу я бредил,
со звездами ночными говорил…
Все отошло. Не выдержал я жизни,
и вот теперь…

ГОНВИЛ:

Довольно!

ЭДМОНД:

Я за гранью
теперь — и все, что вижу…

ГОНВИЛ:

Я сказал:

довольно!

ЭДМОНД:

Гонвил, что с тобой?..

ГОНВИЛ:

Я долго
тебя морочил — вот и надоело...
Да, впрочем, ты с ума сошел бы, если
я продолжал бы так шутить... Не яду
ты выпил — это был раствор безвредный:
он, правда, вызывает слабость, смутность,
колеблет он чувствительные нити,
из мозга исходящие к глазам,—
но он безвреден... Вижу, ты смеешься?
Ну что ж, я рад, что опыт мой тебе
понравился...

ЭДМОНД:

Ах, милый Гонвил, как же

мне не смеяться? Посуди! Ведь это
я сам сейчас придумываю, сам!
Играет мысль моя и ткет свободно
цветной узор из жизненных явлений,
из случаев нежданных, но возможных,
возможных, Гонвил!

ГОНВИЛ:

Это бред... Очнись!
Не думал я... Как женщина, поддался...
Поверь, ты так же жив, как я, и вдвое
живуче...

ЭДМОНД:

Так! не может быть иначе!
В смерть пролетя, моя живая мысль
себе найти старается опору, —
земное объясненье... Дальше, дальше,
я слушаю...

ГОНВИЛ:

Очнись! Мне нужно было,

чтоб спотыкнулся ты; весь ум, всю волю
я приложил... Сперва не удавалось, —
уж мыслил я: «В Милане мой учитель
выкалывал глаза летучей мыши,
затем пускал, и все же при полете
она не задевала тонких нитей,
протянутых чрез комнату: быть может,
и он мои минует нити». Нет!
Попался ты, запутался!..

ЭДМОНД:

Я знаю,
я знаю все, что скажешь! Оправдать,
унизить чудо — мысль моя решила.
Но подожди... в чем цель была обмана?
А, понял! Испытующая ревность
таилась под личиной ледяной...
Нет, погляди, как выдумка искусна!
Напиток тот был ядом в самом деле,
и я в гробу, и все кругом — виденье, —

но мысль моя лепечет, убеждает:
нет, нет — раствор безвредный! Он был нужен,
чтоб тайну ты свою открыл. Ты жив,
и яд — обман, и смерть — обман, и даже...

ГОНВИЛ:

А если я скажу тебе, что Стелла
не умерла?

ЭДМОНД:

Да! Вот она — ступень
начальная... Ударом лжи холодной
ты вырвать мнил всю правду у любви.
Подослан был, тот, рыжий, твой приятель,
ты мне внушил сперва чужую смерть,
потом — мою, — чтоб я проговорился.
Так, кончено: подробно восстановлен
из сложных вероятностей, из хитрых
догадок, из обратных допущений

знакомый мир... Довольно, не трудись,—

ведь все равно ты доказать не можешь,

что я не мертв и что мой собеседник

не призрак. Знай: пока в пустом пространстве

еще стремится всадник — вызываю

возможные виденья. На могилу

слетает цвет с тенистого каштана.

Под муравой лежу я, ребра вздув,

но мысль моя, мой яркий сон загробный,

еще живет и дышит и творит.

Постой — куда же ты?

ГОНВИЛ:

А вот сейчас

увидишь...

(*Открывает дверь на лестницу и зовет.*)

Стелла!

ЭДМОНД:

Нет… не надо… слушай…
мне почему-то… страшно… Не зови!
Не смей! Я не хочу!..

ГОНВИЛ:

Пусти, — рукав
порвешь… Вот сумасшедший, право…

(*Зовет.*)

Стелла!
А слышишь: вниз по лестнице легко
шуршит, спешит…

ЭДМОНД:

Дверь, дверь закрой! Прошу я!
Ах, не впускай. Дай мне подумать… Страшно…
Повремени, не прерывай полета, —
ведь это есть конец… паденье…

ГОНВИЛ:

Стелла!
Иди же…

Занавес

6-17 марта 1923

Примечания

Смерть Драма в двух действиях

Впервые: Руль. 1923. 20 мая; 24 мая.

Пьеса написана в марте 1923 г. в Берлине. На выбор темы и сюжета пьесы повлияли два события в жизни Набокова: трагическая смерть отца, В. Д. Набокова, убитого 28 марта 1922 г., и расторжение помолвки со Светланой Зиверт в январе 1923 г. Тема «инерции» жизни после смерти была развита затем Набоковым в рассказе «Катастрофа» (1924) и повести «Соглядатай» (1930).

А. Бабиков